

КИРИЛЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЧИСТОВУ — 75 ЛЕТ

Профессор, чл.-корр. Российской Академии наук Кирилл Васильевич Чистов — выдающийся российский ученый — фольклорист и этнограф, один из крупнейших организаторов фольклористической и этнографической науки последних трех десятилетий. Список его научных трудов — свыше 450 наименований — составляют книги, статьи на русском и европейских языках, многие десятки коллективных сборников и монографий, подготовленных им к изданию в качестве редактора-составителя или научного редактора¹.

К. В. Чистов родился в 1919 г. в пригороде Петербурга — Детском Селе (ныне г. Пушкин); в 1937—1941 гг. учился на филологическом факультете Ленинградского Университета, пройдя школу,

представленную созвездием таких научных имен как В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, Г. А. Гуковский, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп и др. Средой, воспитавшей К. В. Чистова, был и круг ученых, работавших в ту пору в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), — Н. А. Андреев, Г. С. Виноградов, А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, Е. В. Гишпиус.

Желание стать фольклористом возникло у К. В. Чистова еще в школьные годы, когда, посещая Детский Литературный университет, созданный С. Я. Маршакom, он слышал русские сказки и былины в

---

¹ В серии "Библиография ученых России" подготовлена библиография публикаций К. В. Чистова. Предварительные списки его работ см. в журнале "Советская этнография" (1980. № 1; 1989. № 6).

исполнении выдающихся сказителей — М. М. Коргуева, П. И. Рябина-Андреева, Ф. А. Конашкова. Поэтому, поступив в 1937 г. в Ленинградский Университет, К. В. Чистов немедленно включился в активную экспедиционную и научную работу; уже в 1939 г. появилась его первая публикация (рецензия), после чего он был привлечен к изданию сборника былин пудожского сказителя И. Т. Фофанова. Завершению этой работы помешала война: К. В. Чистов добровольцем ушел в партизанский батальон.

Сразу же после демобилизации он вернулся к любимому делу — поступил в аспирантуру филфака ЛГУ и погрузился в научные исследования.

В студенческие годы и годы в аспирантуре непосредственным учителем — научным руководителем К. В. Чистова стал М. К. Азадовский, тогда заведывавший кафедрой фольклора в университете и отделом фольклора в Институте русской литературы. М. К. Азадовский, так же, как и ведущие московские фольклористы того времени — братья Б. и Ю. Соколовы, являлся представителем так называемой "русской школы", главным объектом внимания и исследования которой были личность и мастерство народного сказителя — основного создателя и носителя фольклорных произведений. Эта позиция означала известное предпочтение "личного" начала традиции и восходила к направлению, возникшему в отечественной науке середины — второй половины XIX в. в связи с "открытием" севернорусского сказительства и тем резонансом, который произвели в научных и общественных кругах России записи, а затем и непосредственное исполнение фольклора мастерами. К. В. Чистов начал свою фольклористическую научную деятельность "в духе" русской школы, выбрав самостоятельный предмет изысканий, позволявший не только в большей полноте изучать проблему импровизации, но и исследовать личность сказителя в социо-психологическом аспекте и в ситуативном контексте социальной жизни крестьянства — причитания.

Главные достижения в сборе, изучении и публикации исследований по севернорусскому фольклору и, в частности, причитаниям падают на период конца 40-х — начала 60-х годов, когда К. В. Чистов руководил отделом фольклора и литературы Института языка, литературы и истории в г. Петрозаводске (Карельский филиал АН СССР) и читал лекции в местном Пединституте. При организации и его непосредственном участии развертывается интенсивная экспедиционная и научная работа по изучению народной (крестьянской) культуры Русского Севера, русско-карельских и русско-финских фольклорных и культурных связей. Особые страницы фольклористического творчества К. В. Чистова этого времени посвящены замечательной олонецкой вошленице И. А. Федосовой, интерес и особое внимание к которой ученый не утратил вплоть до настоящего времени: первая, еще сугубо фольклористическая, монография о ней (Народная поэтесса Федосова: Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955) нашла продолжение в углубленном и расширенном исследовании фольклорно-этнографического характера (Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988).

Можно сказать, что благодаря изысканиям К. В. Чистова карельская общественность осознала место и роль своей соотечественницы в истории народной культуры полиэтнического Северного края. Если в первой монографии о Федосовой К. В. Чистов более занимался биографией вопленицы, текстологией сделанных от нее записей; выявлением степени зависимости исполнительницы и ее причитаний от социально-бытового уклада севернорусской деревни, а также — границами и механизмом личной свободы в импровизациях, то в следующем монографическом "варианте" исследователь вписал проблемы фольклора в историко-культурную действительность, сделав более масштабные выводы о характере, генезисе и функциях жанра причитаний как такового. Ряд вопросов, вставших в процессе фольклористического изучения творчества Федосовой, был впоследствии развит К. В. Чистовым-этнографом в специальных работах, посвященных особенностям формирования и эволюции севернорусской культуры и ее фольклорного наследия. Ему, в частности, принадлежит приоритет в разработке таких важных проблем Русского Севера как явление "вторичной архаики", выделение этого региона как "зоны особой развитости причитаний", локальной вариативности культурных традиций, типология обрядового фольклора и др. Широта научных интересов способствовала разносторонним наблюдениям и выводам ученого, его вниманию к деятельности коллег, от которой он "заряжался" сам и, в свою очередь, стимулировал их изыскания. Так, например, его анализ и выделение в причитаниях метафорических замен табуированных терминов родства и лексики, связанной со смертью, оказали прямое воздействие на целую серию работ А. С. Степановой, включая ее известную монографию о метафорической системе в карельских причитаниях и фундаментальное исследование талантливой исследовательницы карельских плачей У. С. Конкка.

Завершая историю петрозаводского периода жизни К. В. Чистова следует отметить, что его фольклорные интересы не ограничивались жанром причитаний: ученого волновала проблема отражения истории и быта севернорусского крестьянства и в других произведениях фольклора. В этом "ключе" были написаны: "пробная" статья о сборнике печорских сказок Н. Ончукова (где путь к анализу исторических черт лишь намечен) и несколько публикаций по "поздней" русской былине о Рахте (Рахкое) Рагнозерском, в основе которой лежат архаические карельские и саамские предания. История формирования этого сюжета и его миграции достаточно убедительно связываются К. В. Чистовым с этнической историей Заонежья.

Этнографический ракурс, отличавший фольклористические работы К. В. Чистова с раннего времени, стремление к историко-социальному осмыслению фольклорных фактов, широта общего гуманитарного диапазона, авторитет ученого в российских научных кругах естественным образом вывели его на этнографическую стезю. В 1961 г. он оказался первым в конкурсе на замещение должности зав. отделом восточнославянской этнографии Института этнографии АН СССР (московской и ленинградской частей), которую К. В. Чистов исполнял почти трид-

цать лет (1961—1991 гг.). В 1980—1991 гг. он был одновременно главным редактором ведущего этнографического журнала "Советская этнография". Этот период — особый этап в научной биографии ученого, выявивший его поистине неисчерпаемые творческие, организационные и педагогические возможности. Охватить всю эту деятельность в краткой статье невозможно, поэтому мы остановимся на самых существенных ее моментах, как в общественно-научном плане, так и в индивидуально-творческом. Начнем с последнего, ибо совмещение в лице К. В. Чистова двух специальностей — фольклориста и этнографа — сыграло весьма положительную роль в теоретическом развитии обеих наук и сказалось на практических результатах их творческого союза.

Важнейшим "синтетическим" звеном фольклорно-этнографического характера можно считать вышедшую в 1967 г. монографию К. В. Чистова "Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.", защищенную в качестве докторской диссертации. Ей предшествовали огромные архивно-текстологические и аналитические работы, а также ряд статей, в которых разрабатывались отдельные проблемные вопросы и теоретические положения (например: "Легенда об "избавителе" и проблема повторяемости фольклорных сюжетов" // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965). Основной вывод многоаспектного (история, социальная психология и фольклор русского крестьянства) исследования К. В. Чистова имеет общекультурную ценность, не теряющую своей актуальности и в настоящее время: утопические легенды о счастливой стране Беловодье, о возвращающихся царях-избавителях — это явление вневременного порядка, многократно возникавшее в "недрах" психологии русского крестьянства (народа) в сходных (повторяющихся) исторических обстоятельствах. Заметим, что народная (крестьянская) ментальность была присуща и части русской интеллигенции, возможно усвоившей ее со времени народнического движения. Работе К. В. Чистова дали высокую оценку ученые разных специальностей (В. Я. Пропп, Д. С. Лихачев, Н. В. Черепнин, А. И. Клибанов, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Н. Н. Покровский, А. С. Мильников и др.), что свидетельствовало об ее многогранном культурно-историческом значении.

Монография о социально-утопических легендах получила широкий международный отклик. О ней писали известные ученые США (Д. Биллингтон, М. Перри и др.), Европы (К. Горалек, Я. Комаровский, Д. Климова, В. Кравчик-Василевска и др.), Японии (Е. Накамура, Т. Баннаи).

Перейдя к этнографической деятельности, К. В. Чистов не ограничивал ее только восточнославянской проблематикой, хотя она, естественно, занимала в его исследованиях первое место. Достаточно назвать такие крупные труды, в которых ученый выступал одновременно в роли автора и составителя-редактора, как том "Народы Европейской части СССР" (в серии "Народы мира"), "Этнография восточных славян" (в серии "Этнография славянских народов"), ряд выпусков по этнокультурной истории, этнографии и фольклору Русского Севера (серия "Русский Север"), коллективный сборник по традиционной

культуре русского населения Северной Европы (Venäläinen perinnekulttuuri. Neuvostaliiton Pohjois-Euroopan venäläisväestän etnologiaa 1800-euvulta 1900-luvun alkuun Hämmeenlinna, 1976 и др.). Под его руководством и с участием были, наконец, осуществлены перевод и русское издание знаменитой монографии Д. К. Зеленина "Восточнославянская этнография" (М., 1991), вышедшей еще в 1927 г. на немецком языке, издание рукописи В. Я. Проппа "Русская сказка" и др. К. В. Чистов редактировал множество работ и оппонировал диссертациям этнографов и фольклористов Российской Федерации, бывших союзных республик, готовил кадры в области обеих наук, читая спецкурсы в Ленинградском (С.-Петербургском) и Московском университетах, руководя аспирантами и соискателями; среди его учеников такие известные ныне ученые, как Т. А. Бернштам, Ч. С. Конкка, А. К. Байбурин, Ю. Ю. Сурхаско, Т. Б. Щепанская, Э. Г. Карху и др. В Ленчасти Института этнографии он способствовал возникновению секторальной группы этнографии и этносоциологии Петербурга-Ленинграда, в рамках проблематики которой под его руководством защитили диссертации Н. В. Юхнева и ставшая крупным российским политиком Г. В. Старовойтова. В эти же годы К. В. Чистов читал университетские курсы "Русский фольклор", "Фольклор восточных славян", "Введение в фольклористику", "Русская поэзия и народное творчество" и др.

Если "московская" деятельность имела более общесоюзный и международный масштаб, то "ленинградская" — оказалась более тесно связанной с фольклорно-этнографическими изысканиями на Русском Севере, и шире — на Северо-Западе России и Европы. Эта совокупность обусловила европейскую известность ученого: в течение 70—80-х годов он становится вице-президентом Международного общества исследователей повествовательного фольклора (SFNR), членом финского литературного общества, финно-угорского, венгерского, польского и австрийского этнографических обществ; является участником или одним из руководителей международных славянских и финно-угорских конгрессов. К. В. Чистов в большей степени способствовал тому, что находившиеся в отрыве от общей славистики этнография и фольклористика восточных славян стали ее органической частью. Одним из результатов этих усилий является вышедший под его редакцией "Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка" (состав. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. М., 1979), с одной стороны, включивший в мировую фольклористику наследие восточнославянских народов, а, с другой, сделавший общедоступным для российских исследователей систему Аарне-Томпсона. Вместе с тем, К. В. Чистов сыграл заметную роль и на начальном этапе преодоления разрыва научных связей с коллегами из финно-угорских стран (Финляндия, Венгрия); среди работ этого направления отметим, например, статьи по эпосу "Калевала", о деятельности крупных финских ученых (Леннрот, Шегрен).

Насыщенной была и "приватная" фольклорно-этнографическая исследовательская работа К. В. Чистова.

В области фольклористики с конца 60-х годов можно отсчитывать теоретический этап, начавшийся в русле европейского подъема интереса к проблемам жанровой природы фольклора (специальная международная комиссия, издание каталогов сюжетов в Финляндии, Голландии, Польше, Франции, Венгрии и т. д.).

Главные особенности несказочной прозы, — такие, как морфологическая неустойчивость и ситуативность формы при стабильности коллективных представлений, — К. В. Чистов связал с доминированием информационно-коммуникативной функции по отношению к эстетической: см. доклад на VII конгрессе антропологических и этнографических наук о классификационном принципе фольклорной прозы, статью "Das Problem der Kategorien der Volksprosa" (Fabula, 1967, IX. № 1—3), доклад на VI международном конгрессе славистов "О сюжетном составе русских народных преданий и легенд. Методические вопросы" (сб. "История, культура, фольклор и этнография славянских народов". М., 1968), статью "Прозаические жанры в системе фольклора народов СССР" (Минск, 1974).

Постепенно К. В. Чистов обратился к наиболее общим вопросам теории фольклора и достиг в этой области важных и очень четких результатов. Работы К. В. Чистова на эту тему отчасти являются откликом на труды популярной, так называемой "московско-тартусской школы" семиотиков-структуралистов. К. В. Чистова не удовлетворяла сосредоточенность семиотиков на тексте как самодовлеющей структуре, он отметил значение для фольклора весьма сильных внетекстовых связей. Так или иначе, К. В. Чистов оригинальным образом использовал для решения теоретико-фольклористических проблем семиотику, теорию информации, теорию малых групп, не забывая и социальную психологию, которая всегда была в сфере его внимания (см., например, статью "Текстологические проблемы фольклористики". М., 1963; "Специфика фольклора в свете теории информации" // Вопросы философии, 1972, № 2; в сб. "Типологические исследования по фольклору". М., 1975; а также — доклад на конгрессе Международного фольклорного общества в Хельсинки в 1976 г. "Zur Frage der theoretischen Unterschiede zwischen Folklore und Literature" // Folk Narrative Research. Helsinki, 1976). К. В. Чистов обращается также к новейшим исследованиям в области генеративной грамматики, лингвистики текста и психолингвистики с тем, чтобы применить их достижения к теории фольклора. Результаты, полученные К. В. Чистовым, отражены в докладах на конгрессах славистов 1978, 1983 и 1988 гг. (см. публикации в соответствующих томах).

В своих теоретических работах К. В. Чистов также уделил серьезное внимание разработке проблемы вариативности в фольклоре в связи с вариативной поэтикой, все в том же плане уточнения специфики фольклора. Однако разрабатывая теорию фольклора в 70—80-х гг. К. В. Чистов-фольклорист постоянно подчеркивал единство этнографического и филологического аспектов фольклористики, а как этнограф — изучал место фольклора в духовной культуре, его эволюцию в историко-этнических процессах славянства. Ценным фольклорно-этно-

графическим итогом теоретических штудий К. В. Чистова является его книга "Народные традиции и фольклор. Очерки теории", в которой многолетние исследования автора по проблемам фольклора осмыслены с точки зрения актуальности взаимоотношений фольклористики и этнографии и дальнейшего сближения этих наук ("этнографизация фольклористики" и "филологизация этнографии"). Книга в целом дает также оригинальный, глубокий, чрезвычайно четкий и убедительный анализ специфики народного творчества.

В заключение повторим, что научные исследования К. В. Чистова — важная составная часть российской науки — фольклористики и этнографии 50—80-х годов нашего века. Деятельность этого крупного ученого, ныне главного научного сотрудника НИИ "Музей антропологии и этнографии" (Кунсткамера, СПб.), активно продолжается, и мы ждем от него новых интересных работ и начинаний.

Т. А. Бернштам, Е. М. Мелетинский

POST FACTUM

К. В. Чистов

Когда случается 75 лет, невольно хочется оглянуться и вспомнить о пережитом. Но о чем вспоминать? В памяти роится неисчислимое количество фактов, событий, встреч, переживаний.

Один из наших поэтов как-то сказал интервьюеру: "У меня в жизни были вещи поважнее биографических фактов". Пожалуй, следует с ним согласиться.

Важнейшим в моей жизни всегда была наука. Переживания, с ней связанные, действительно, важнее внешних биографических фактов. Я не придаю моей работе преувеличенного значения. Читателям судить, что удалось сделать и что было напрасным. Но в одном я уверен: переживания, связанные с занятиями русскими народными социально-утопическими легендами, владевшие мной несколько лет (когда я их обнаружил, потом увлеченно собирал все, что с ними связано, а, затем, наконец, писал книгу), вероятно, все-таки стоят того, чтобы вспомнить о них.

Книга задумывалась в конце 50-х—начале 60-х гг. и была опубликована в 1967 г. В те же годы мне (и я уверен, не одному только мне) очень важно было понять, как формируются социально-утопические идеи и почему они неизменно терпят поражение. Писать об этом возможно было только в прошедшем времени, но права думать никто не мог у нас отнять. Политические и нравственные проблемы, порожденные террористической сталинской диктатурой и имперские амбиции советского правительства сталинского времени стали совершенно ясными. Они выявились в 30—50 гг. в полной мере, но исторические корни утопизма, его природа и судьбы настоятельно требовали не только размышлений, но и исторических разысканий. Таким образом интерес к истории социально-утопических идей мотивировался как бы двояко — не только академически, но и, как говорят, "велением времени". В известном смысле он был порожден тем состоянием общественного сознания, которое называют теперь в России "шестидесятничеством".